АҨСНЫ АҬҪАРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АҨСНЫ АҬҪАРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАҬАРА

№ 2

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 2

Аҵакы
Содеражание

Раздел I Аҟәша

Агуманитартә ҭцаарадырраҟәа. Гуманитарные науки

Афилологиа. Филология

Салакая Ш. Х. Развитие литературы и науки в Абхазии 5

Арсҭаа Ш. Ҟ. Ажәаҳәа хәҭаҟәа рпроблема аԥсуа бызшәаҿы 18

Габуниа З. М. Р.Гусман Тирадо. К проблеме малочисленных языков в лингвистике XXI века 37

Пазов С. У. Типы определения и однородные члены предложения в абазинском языке 44

Гаҷалова Л.Б. Глобализация и проблема сохранения миноритарных языков Северного Кавказа 65

Бижева З.Х. Лингвоконцепты как репрезентанты этнической картины мира 68

Гублиа Р.К. К этимологии Зиуоу – обряда вызывания дождя 70

Хьециа А. Џь. Ацыҕҳара алеқсика аԥсуа бызшәаҿы 74

Хагба Л. Р. Концептуализация положительных эмоций в абхазском и абазинском языках (на материале фразеологии) 102

Бганба В.М. Категория грамматического числа в абхазском языке 108

Џьапуа З. Џь. Аԥсуа фольклор заатәи аҧцамҭақәак ртекстологиатә згәаҭарақәа 133

Мамиева И. В. Архетип дороги в современной осетинской повести 158

Аҭоурых. История

Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии. 164

Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С. Раннехристианский комплекс в Себастополисе 182

Скаков А.Ю. Некоторые проблемы изучения хронологии колхидской культуры 189

Хонелия Р. А. Некоторые историографические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка X.в. Иованнеса Драсханакертци 209

Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» 225

Аргәын И.Гә. Адиаспора «Аԥсуара» еиқәнархоит 244

Ачугба Т. А. Грузинские источники 2-й пол. XIX в. об изменении этнической ситуации в Абхазии 248

Хашба М. М. Народная музыка абхазов: жанры, стилистика, кросс-культурные параллели 258

Шалашаа З.И. Оценка инвестиционных проектов в условиях Республики Абхазия 265

Раздел II Аҟәша

Аԥсабаратәи атехникатәи ҭцаарадырраҟәа.

Естественные и технические науки

Зыков Б.М., Марколия А.И, Сабо Е. П., Швангирадзе Р.Р. Водородная энергетика и экология 273

Дгебуадзе К. А., Козлов О.Ф., Красненкова Т.М., Марколия А.И., Оганезов З.А., Тимошенко А.П., Элошвили Ю.Л. Низкотемпературное формирование коаксиальных металлокерамических гермовводов 279

Казаков А.В., Каневский И.Н., Максимов М.З., Марколия А.И., Уткина Л.А. К вопросу расчёта характеристик импульсного излучения антены на большие расстояния 286

Гумба Г.Д.

АЛАНЫ, АСЫ И ДИГОРЫ ПО «АШХАРАЦУЙЦУ»

«Ашхарацуйц», условно именуемый в научной литературе «Армянской географией VII века» (далее «Ашхарацуйц»)[1] представляет собой исключительной важности источник, который содержит уникальные сведения по исторической географии древних Армении, Грузии, Кавказской Албании, Колхиды, Абхазии и Северного Кавказа. Поразительно точное знание древней этнической карты Кавказа, которое обнаруживается в замечательном древнеармянском источнике, приковывает внимание почти всех исследователей, изучающих раннесредневековую историю народов Кавказа. Однако, несмотря на достаточную литературу, посвященную источниковедческому анализу «Ашхарацуйца», к настоящему времени пока немало вопросов, ждущих еще своего разрешения.[2] Так, вопрос локализации и идентичности большинства, упоминаемых в «Ашхарацуйце» племен Кавказа, до сих пор почти не разработан и, к сожалению, в научной литературе наблюдается произвольное толкование тех или иных сведений армянского географа, порой не имеющего ничего общего с данными самого источника (см. ниже). Возможно, это вызвано тем, что ученые, не владеющие армянским языком, пользовались теми или иными опубликованными отдельными списками источника на русском, французском, немецком языках, в которых присутствуют серьезные расхождения. В различных списках источника порядок изложения тех или иных абзацев не соответствуют друг другу, а в некоторых вовсе и смешаны. При этом на карту наносились разные наименования одного и того же племени, (Абраамян, 1944, 49-50; Ширакаци, 1979, 20). Все это, естественно, не могло не привести исследователей к противоречивым выводам.

Среди причин, обуславливающих трудность интерпретации сведений «Ашхарацуйца», следует отметить также и то, что до нас дошли лишь копии рукописей, которые подвергались со стороны переписчиков значительным искажениям и сокращениям. Источниковедческий анализ показывает, что переписчики по своему усмотрению вставляли в текст новые отрывки, а казавшийся им сложными – сокращали; многие древние этнонимы и географические названия видоизменяли, пытаясь привести их в соответствии с новыми звучаниями, с целью сделать доступными, как они считали, для понимания современниками. Кроме того, описание племен «Азиатской Сарматии» в «Ашхарацуйце» является компиляцией различных источников, которые редакторы стремились объединить, не обращая часто достаточное внимание на их хронологические несоответствия. Поэтому,

[1] До наших дней сохранено около 60 рукописей «Ашхарацуйца», из которых 46 хранятся в Институте древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца (г. Ереван); текст сохранился в двух редакциях: кратком и пространном. В работе мы опирались на списки оригинала «Ашхарацуйца», хранящиеся в Матенадаране им. Месропа Маштоца, а также существующие издания источника, перечень которых приведены в перечне использованных источников и литературы.

[2] Датировка «Ашхарацуйца» все еще остается предметом дискуссии. Однако в настоящее время с определенной доли уверенности можно сказать, что источник содержит описание Армении и Кавказа различных периодов, которые разделены учеными (С. Т. Еремян, А.А. Абраамян, Г.Б. Петросян) на три пласта. Первый пласт, основывающийся во многом на географических и картографических трудах античных авторов, в основном, Птолемея и его источников – вторая половина I тыс. до н. э.; второй – конец IV века н. э. (до 387 г.); третий – рубеж V–VII вв. н. э. В VII в. географический трактат был отредактирован с внесением новых данных со стороны Анания Ширакаци.

безусловно, информация «Ашхарацуйца», требует детального сопоставительного анализа сохраненных списков, как для определения хронологических рамок его данных, так и уточнения правильности передач тех или иных этнонимов. Особенно это относится к разделу «Кавказской Сарматии» «Ашхарацуйца», в котором многие древние названия кавказских племен и народов, впервые письменно зафиксированы и сохранены до наших дней.

В описании Азиатской (Кавказской) Сарматии выявляется два слоя: в первой воссоздана этнополитическая обстановка во второй половины I тыс. до н.э.; во втором – ситуация раннего средневековья (V-VII вв.) (Гумба, 1987_1, 75-77). В интересующем нас втором слое автор «Ашхарацуйца», обрисовав этническую карту Северо-Западного Кавказа и Абхазии, приступает к перечислению племен и народов, расположенных в пределах Азиатской Сарматии по северной и южной стороне Главного Кавказского хребта на Центральном Кавказе.[1] Исследователи отмечают, что данный раздел «Ашхарацуйца» является весьма насыщенным, а локализация, упоминаемых здесь народов – наиболее сложным.[2] Забегая вперед, скажем, что, помимо вышеуказанных причин, главным образом, это вызвано тем, что второй слой данного раздела источника, отражающий этническую карту Центрального Кавказа раннего средневековья, состоит, в свою очередь, из трех наложенных пластов. Выявленные пласты условно разделены нами на: **А**, **Б** и **В**.[3]

---

[1] По физико-географическому строению к Центральному Кавказу обычно относят территорию по обоим склонам Главного Кавказского хребта, условно ограниченной на северо-западе Эльбрусом, на юго-востоке Казбеком и теснины р. Терек. Но под понятием Центральный Кавказ мы подразумеваем не столько физико-географическую, а сколько древнюю историко-этнографическую область, расположенной согласно греко-латинским, армянским и грузинским источникам по обоим склонам Главного Кавказа от Приэльбрусья и верховья Ингура на северо-западе до Андийского хребта и горы Гутон на юго-востоке; на юге пределы Центрального Кавказа ограничиваются южной границей Азиатской Сарматии, простирающейся от западного отрога Эгрисского хребта, далее на юго-восток по вершинам Эгрисского и Рачинского хребтов, по северному отрогу Лихского хребта – Живали (Сарматские ворота у слияния Черной Арагви и Белой Арагви) – Квел-Даба – г. Гутон на Главном Кавказе (см. Гумба, 2004).

[2] Вопросы локализации упоминаемых в этом разделе племен и народов, рассматривались многими исследователями: К.П. Патканов (1883), Й. Маркварт (Marquart, 1903, 169-172), С.Т. Еремян (1970, 400-409; 1973 , 261-274) Р.Х. Хьюссен (Hewsen, 1992), А.В. Гадло (1979), Ю.С. Гаглоев (1966), В.А. Кузнецов (2000), К. Цукерман (2005) и др.

[3] Текст основан на критическом издании «Ашхарацуйца» (Ширакаци, 1979) и сопоставительного анализа древнейшей группы оригинала, хранящегося в Матенадаране.

Пласт **А**

«Սարմատիայի (բնակչությունը) տեղադրվում է հետևյալ կերպ: Արևմուտքից արևելք նախ (ապրում ե) Աշ-Տիգոր ալանական ցեղը, նրանից հարավ համատեղ բնակվում են Խեբուրները, Քութետները, Արգվելները կամ Մարգվելները և Սկյումինները կամ Թակույրները: Ալաններն ապրում են Դիգորներից այն կողմը, Կովկասյան լեռների Արդով երկրամասում: Այստեղից է հոսում Արմն գետը, որը, գնալով դեպի հյուսիս ընդարձակվելով դաշտի միջով, իւառնվում է Աթլ գետին:

«...(Население) Сарматии расположено следующим образом. С запада на восток в начале (живет) Аланский народ Аш-Тигор,[1] на юге от них рядом проживают Хебуры, Кутеты, Аргвелы или Маргвелы и Такуиры или Скюмы. Аланы живут по ту сторону за Дигорами, в крае Ардоз Кавказских гор. Отсюда течет река Армн, которая, направляясь на север, через безбрежные равнины, соединяется с рекой Атл.

Пласт **Б**.

Նույն լեռների վրա ապրում են Արդովները, իսկ նրանցից այս կողմ՝ Ռաճանները (Դաճաները), Ծիհուոմները, Աավուրները, Դուալները, Խոնքերը և Ծանարները, որոնք մոտ գտնվում է Ալանները դուռը, ինչպես և մյուս դուռը, որը կոչվում է Ծիլքան՝ այնտեղ ապրող համանուն Ծիլքան ցեղի անունով: Ապա գալիս են Թուշերը, Խունձները:

В тех же [Кавказских] горах живут Ардозы, а по эту сторону от них – Рачаны (Дачаны), Цихоимы, Авсуры, Дуалы, Хоны и Цанары, у которых находится Аланские ворота, как и другие ворота, называемые Цилкан, по имени проживающего там племени Цилкан. Затем Туши, Хундзы.

Пласт **В**.

Ապա մարդակեր Քուստերը, Ցիւավատները, Գուդամակարները, Դուրձուկները, Դիդոյները, Լեկերը, Տապասարլները...» («Ашхарацуйц», №№ 582, 696, 1898, 1717, 3691, 1459; Ширакаци, 1979, 287; Soucry, 1881, 27)

Затем Кусты людоеды, Цховаты, Гудамакары, Дурзуки, Дидойцы, Леки, Тапасары ...».

Исследователи,[2] опиравшийся на издания «Ашхарацуйца» К.П. Патканова, Г.Хьюссена, С.Т. Еремяна, основанных на отдельных рукописях источника, где

[1] Во многих списках древнейшей группы оригинала: «живут Аланы Аш-Тигор».

[2] Мы намеренно не останавливаемся на детальном анализ существующих точек зрения в научной литературе по поводу локализации и отождествлении перечисленных в данном отрывке племен, они даны в работе В.И. Кузнецова (2000, 174-176, там же см. сводку литературы).

аланы отделены от аш-тигоров («племя алан, аш-тигоры»), рассматривают данное сообщение, как указание армянского географа на два отдельные племена. В связи с чем, в научной литературе принято считать, что в данном сообщении «Ашхарацуйца» речь идет о двух различных племенных групп – «алан и асодигоров» (Кузнецов, 2000, 175). Однако это суждение опирается на не правильных, вернее не аутентичных оригиналу, опубликованных переводов отдельных списков «Ашхарацуйца».[1] В большинстве сохранившихся списков, в том числе и древнейшей группы оригинала источника, написано – «Аланский народ//племя Аш-Тигор», или «Аланы Аш-Тигор», и говорить о двух племенах – алан и аш-тигоров, отделяя, их друг от друга, совершенно неправомерно.

В сообщении «Ашхарацуйца» действительно говорится о двух племенах, но ашов (асов) и дигоров, входивших в одно политическое образование, называемое армянским географом общим собирательным именем Аланы («Аланы Аш-Тигор»). Об этом свидетельствует также и название Аш-Тигор, в которой следует видеть характерное для древних авторов, в том числе и для армянского географа (напр. «Պարսկա-Հայք» – «Персо-Армения», т.е. «Персидская Армения»), указание на политическую зависимость, точнее вхождения части дигоров в политическое объединение, возглавляемое асами («Асская Дигория»). Это политическое объединение охватывало территорию Верхней Кубани, Пятигорья и Балкарии, а также, в те или иные периоды, южный склон Главного Кавказа у истоков Кодора и было известно византийским авторам как Алания. Использование армянским географом для обозначения этого объединения, наряду с названием Алания, термина «Аш-Тигор» («Асская Дигория») свидетельствует, несомненно, о политическом господстве в ней племени асов. Естественно, этническое имя господствовавшего племени – асы (ашы) приобретало также и политическое значение. Поэтому, армянский географ, следуя своему принципу, передает существовавшие к тому времени параллельные названия этого объединения – Алан и Ас (Ас-дигор). Оба эти термины равнозначны и применяются в армянском источнике в собирательном смысле, для обозначения существовавшего в раннем средневековье политического объединения племен западной части Центрального Кавказа. При этом, говоря о равнозначности этих терминов, следует подчеркнуть, что речь идет не об этническом тождестве алан и асов, а об употреблении этнонимов «алан» и «асы» в качестве полиэтонимов, для обозначения Западно-аланского политического объединения. [2]

---

[1] К сожалению, именно недоступность оригинала источника, наверное, отрицательно сказалась и на работах В.И. Кузнецова (2000, 173-176), К. Цукермана (2005, 65-82). Разработка вопросов локализации племен данного отрывка источника, они строят изначально на неверной источниковедческой базе, что привело их к ошибочным выводам. Так неправомерное выделение аш-тигоров от Западно-Аланского объединения вызвало неоправданное смещение асов (аш-тигоров) к востоку от верхнего Терека и отождествление их с Восточно-Аланским объединением, что противоречит тексту «Ашхарацуйца». Вместе с тем, прекрасное знание этнополитической ситуации раннесредневекового Северного Кавказа позволило В.И. Кузнецову сделать ряд совершенно убедительных выводов, в частности, об отражении в «Ашхарацуйце» двух Аланских политических объединении племен на Северном Кавказе в раннем средневековье.

[2] Для локализации асов (ас-дигоров) «Ашхарацйуйца» к востоку от верхнего течения Терека и отождествления их с Восточно-аланским объединением, К. Цукерман ссылается на сведение «Книги церемоний византийского двора» (946 г.) Константина VII Багрянородного об «архонтах Азии». Дошедший до нас в искаженном виде текст «Книги церемоний» К. Цукерман (2005, 66) реконструирует: «Архонтам Азии, которые располагают-

Локализация асов армянским географом согласуется и с грузинской исторической традиции, согласно которой опси//овси первоначально населяли территорию западной части Центрального Кавказа – от верховья Кубани до Терека. Косвенным подтверждением этому может служить и происхождение грузинского термина «опси//овси». По мнению В.И. Абаева (1949, т. 1, 80) грузинское ousi вряд ли имеет какое-либо отношение к античным ас и ас-ам, яс-ам древнерусских источников. Вероятно, следует согласиться с существующим в научной литературе мнением, согласно которому форма опси (овси) не что иное, как грузинская передача абхазского названия осетин – а-уапс (букв.: «рыжие, светлые люди») (Инал-ипа, 1977, 85; Кварчия, 1982, 48). Нет сомнения в том, что древние абхазы называли соприкасавшихся с ним на Кавказе ираноязычных племен уапс («светлые, рыжие люди») действительно по их внешнему облику. Так Аммиан Марцеллин свидетельствует, что «почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 21). Персидский автор Ибн Русте, политически господствовавшее племя Алании называет Д.хсас, наименование которое восстанавливается как «Рухс-Ас» – «светлые асы» (Минорский, 1963, 221; Кузнецов, 2000, 171). Как справедливо отмечает В. Кварчия (1982, 48), абхазское название осетин а-уапс («рыжие, светлые люди») было усвоено грузинами в силу того, что осетины в прошлом раньше оказались в западных районах Центрального Кавказа, в непосредственном соседстве с Абхазией.

Помимо той части дигоров, входивших в Аланское объединение Ас-Дигоры, армянский географ в том же отрывке отдельно называет дигор, которых он четко отделяет, как от Западно-аланского объединения, так и от алан, живущих в крае Ардоз («Аланы живут по ту сторону за Дигорами, в крае Ардоз Кавказских гор»).[1] Месторасположение дигоров «Ашхарацуйца» – между аланами аш-тигор и аланами в крае Ардоз – довольно прозрачное – это Дигорское ущелье, бассейны рек Уруха и Черека.

Далее на востоке дигоры граничат с аланами, проживающими в крае Ардоз. Здесь необходимо подчеркнуть, что «край Ардоз» (в некоторых рукописях источника – Դաշտ ի Արդոզ, т.е. «Ардозская равнина»), размещаемый армянским географом «за дигорами», это не район у истоков Терека, как это предполагает И. Маркварт (Marquart, 1961, 171), а вслед за ним и В.А. Кузнецов (2000, 176), а долина Терека у выхода из Дигорского ущелья (см. также, Еремян, 1973, 267; 1979, карта).[2] Из данного текста источника не следует, что область Ардоз находится у

ся между Аланией и Цанарией, в месте где находятся Каспийские ворота» (Дарьяльские ворота). Однако, если и принять предлагаемое К. Цукерманом чтение византийского текста, то, тогда, во-первых, отпадает отождествление асов (ас-дигоров) с Восточно-аланским объединением; во-вторых, сведения «Книги церемоний» отражают этнополитическую ситуацию X в. и проецировать их ко времени отображаемой в «Ашхарацуйце» (V-VII вв.) означало бы отрицание каких-либо этнических и политических изменений на Северном Кавказе за 300-400 лет, что, конечно, было бы неправомерным (см. также ниже).

[1] К. Цукерман (2005, 75) из данного отрывка почему-то вычленяет фразу «живут Аланы» и произвольно реконструирует текст, по которому дигоры вдруг неожиданно оказываются жителями страны Ардоз: «Дальше (en yer) находятся dikori(n) из страны Ардоз в горах Кавказа, откуда берет начало река Arm(n)» (?! – Г.Г.), что совершенно не соответствует оригинальному тексту источника и, естественно, не может быть приемлемо.

[2] В.А. Кузнецов, опираясь на перевод «Ашхарацуйца» И. Марквата: «Такойр есть Аланы в Дикор, стране Ардоз Кавказских гор, откуда течет река Армн» (Marquart, 1961, 170), тем самым, по неволе оказавшись заложником неверного перевода, приходит к совершенно противоречащему данным источника выводу, что «такуйры есть подразделе-

истоков Терека, тем более истоков Армхи, а речь идет о том, что река Армн (Терек) течет по области Ардоз. Кроме того, по «Ашхарацуйцу» Аланское объединение не охватывало земли у истоков Терека, так как, территория, начиная от Верхнего Ларса, включая также район истока Терека до Живали на юге, входила в состав Цанарии.

Край Ардоз (по осетинский «равнинное место») – это, как справедливо отмечает А.В. Гадло (1979, 165) – «весь район низменности, орошаемый Тереком, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи». В сообщении «Ашхарацуйца»: Аланы в крае Ардоз Кавказских гор – это, несомненно, объединение племен восточной части Центрального Кавказа, называемое собирательным именем Аланы. Территория Восточно-аланского объединения простиралась от бассейна Терека на западе до среднего течения Аргун на востоке, включая в себя и предгорные части Кавказа (Кузнецов, 2000, 170, 176).

Далее, на юге от указанных двух Аланских объединении племен Северного Кавказа и дигоров, по соседству между собой размещаются хебуры, кутеты, аргвелы и такуйры. По вопросу идентификации хебуров, достаточно уверенно можно согласиться с К.П. Патхановым (1883, 30) и В.А. Кузнецовым (2000, 75), отождествляющих их с хевсурами, локализуемые восточнее Дарьяльского ущелья, в горах современной Восточной Грузии. Кутеты убедительно отождествляются с кударами и локализуются севернее истоков Квирилы и верховья Джеджоры (Еремян, 1970, 406; 1973, 265; Hewsen, 1992, 115; Кузнецов, 2000, 175).

Что касается этнонима «аргвелк», то его отождествление с областью Аргвет, расположенной между р. Квирила и Лихским хребтом, с центром в Шорапани, как бы это не казалось привлекательным, кажется неприемлемым, в виду того, что по «Ашхарацуйцу» она находится за пределами Азиатской Сарматии.[1] Более обоснованным представляется мнение В.А. Кузнецова (1984,148 – 149; 2000, 177), согласно которому аргвелы «Ашхарацуйца» сопоставляются с племенем или народностью арг, оставивших свой след в осетинском фольклоре («народ арги») и топонимике между современными городами Грозный и Нальчик (см. также, Цагаева, 1975, 547). Выглядит вполне убедительно и то, что арги – это одно из древних вайнахских племен, обитавшее здесь до прихода ираноязычных племен и, которое сыграло затем роль этнолингвистического субстрата в сложении осетинского народа (Кузнецов, 1984, 149).

Область Такуйр, Таквор – древнегрузинских источников, с одноименным центром, надежно локализуется в местах между южным подножьем Лечхумского хребта и р. Риони.[2] Этот топоним встречается также в письме Анастасия Апокри-

---

ние алан, занимающее «страну Ардоз» (осет. «ардуз» - поляна) в Кавказских горах близ истоков реки Армна» (Кузнецов, 2000, 176). Помимо того, что ни в одном из списков «Ашхарацуйца» нами не найден такой текст, нет его и в венецианском издании мхитариста А. Сукри (Soykri), откуда сделан перевод И. Маркварта! Кроме того, русский перевод интересующего нас отрывка источника именно по указанному изданию А. Сукри, опубликован Патхановым: «За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армн...» (Патканов, 1883, 30). Чем было вызвано такое искажение данного отрывка источника в издании И. Маркварта, остается загадкой!

[1] Область Аргвети являлась составной частью Картлийского царства, что и отражено в «Ашхарацуйце», при описании Картли (Вирк): «На севере Великой реки Куры, напротив области Тав, находятся Аргветские горы с одноименной областью» (Soucry, 1881, 27).

[2] Перенесение такуйр «Ашхарацуйца» на Северный Кавказ, в район истока Терека (И. Маркварт, В.А. Кузнецов) вызвано ошибочным переводом рассматриваемого текста ис-

сиария, товарища по ссылке Максима Исповедника, иерусалимскому монаху Феодосию Гангрскому. Он повествует, что в августе 662 г. был переведен в крепость в Такирия (Бриллиантов, 1917, 7). Прокопий Кесарийский (VIII, 2) называет эту область Скимниа, название, которое «со сванским префиксом «ле» сохранилось в названии горной области нынешней Зап. Грузии – Лечхуми (Меликишвили, 1959, 184-185). Термины Такуйр (Таквор) и Скюмиа представляют собой разные названия одной и той же области, позднее они полностью вытесняются из употребления названием Лечхуми, производным от Скюмиа.[1] Армянский географ передает существовавшие в раннем средневековье оба названия: Такуйр и Скюмия (Скимниа).

Таким образом, вышеприведенный текст «Ашхарацуйца», условно названный нами пласт **А**, охватывает южные и северные стороны всего Центрального Кавказа. Перечисление племен северной части Главного Кавказа начинается с запада на восток – Аланы Аш-Тигоры, Тигоры, Аланы, а южнее от них – хебуры (хевсуры), кутеты (кудеты, кударо), аргвелы и такуйры, перечисление которых идет уже с востока на запад. В источнике отражена Аланская «конфедерация» Северного Кавказа раннего средневековья (VI-VII вв.), состоявшая из двух объединении или групп – Западно-аланской (или Асской, Аш-Тигор) и Восточно-аланской (или Ардоз). За пределами этих Аланских политических объединений находятся дигоры, аргвелы, хевсуры, кутеты и такуйры.

В следующем абзаце (пласт **Б**) первыми называются ардозы («народ Ардоз» в 23 рукописях). Как видно, если в предыдущем пласте термин «Ардоз» применяется в географическом значении, в названии страны (края), где проживают аланы, то здесь уже употребляется в качестве этнонима. Отсюда, учитывая, что в пласте **А,** край Ардоз является страной аланов, естественным будет предположить, что в пласте **Б** название Ардоз употребляется в обозначении населения Восточно-Аланского объединения и выступает синонимом термина «Аланы» пласта **А.**

Рачаны это, безусловно, жители области Рачии в верховьях Риона. За отсутствием каких-либо дополнительных данных не поддаются локализации дачаны. Но, судя по грузинской фамилии «Дочанишвили», следует, видимо, согласиться с Г.А. Меликишвили (1959, 294), что, дачаны, «вероятно, одно из небольших горских племен, полностью или частично слившееся с грузинскими племенами».[2]

Цехойк (варианты: Цхимк, Цхоимк), по-видимому, та же область, что и Схимар, упоминаемая в письме Анастасия Апокрисиария (Бриллиантов, 1917, 7), которая была расположена на северном склоне Рачинского хребта. Дуалы//туалы занимали территорию по обе стороны Главного кавказского хребта: земли между верховьями рек Риони и Ксани, бассейны рек Б. и М. Лиахви до области Ачабет, севернее соврем. Цхинвали – на южной стороне Главного Кавказа и весь Наро-Мамисонский регион (Туалгом – букв. «Туальское ущелье» на осетинском), на северной (Гамрекели, 1961, 34; Гаглойти, 1995, 38-39).

точника (см. выше). Вместе с тем, сопоставление указанных ученых название «такуйр» «Ашхарацуйца» с позднесредневековым «тагаур», безусловно, не лишено основании.

[1] Таквор//Такуйр (Лечхуми) вместе с Рачией составлял одну из административных единиц средневекового Абхазского государства и в источниках она называется Рача-Лечхуми, или Рача-Таквори (Анчабадзе, 1959, 85).

[2] При этом, учитывая некоторую схожесть написания армянских букв Р (Ռ) и Д (Դ) и то, что термин «дачанк» фигурирует не во всех рукописях источника, нельзя исключать ошибку со стороны того или иного переписчика и передача термина Рачан как Дачан.

В названии асвур (авсур) перед нами грузинское название ираноязычных племен – опси, овси. Согласно грузинской исторической традиции овси//опси не относятся к кругу кавказских аборигенов, а являются потомками пришлых скифо-сарматских племен, которые первоначально осели на территории западной части Центрального Кавказа от верховьев Кубани до реки Терека. В грузинских источниках термин «опси»//«овси» употребляется собирательным, общим наименованием ираноязычных племен Северного Кавказа античного и раннесредневекового периодов и является в этом отношении синонимом термина «аланы» античных и византийских источников. Поэтому, в связи с тем, что в «Ашхарацуйце» отражена ситуация Северного Кавказа в раннем средневековье, когда здесь существовали две политические объединения, известные как Аланские (Западное и Восточное), становиться весьма сложным определить какое из этих Аланских объединении армянский географ обозначает грузинским термином «авсур» и в специальной литературе существуют противоречивые мнения. Однако этот вопрос снимается, если принять во внимание то, что в рассматриваемом пласте **Б**, где названы авсуры, Восточно-аланское объединение упоминается под именем Ардоз, и отсутствует Западно-аланское объединение. Отсюда становиться очевидным, что армянский географ термином Авсур (овси) обозначает именно Западно-аланское объединение Ас-Дигор пласта **А**.

В «Ашхарацуйце» хоны упомянуты дважды – в центральном районе Кавказа, среди племен бесспорно кавказского происхождения и на северо-западном берегу Каспийского моря, в Дагестане – «Хонское царство» («...Ի հիւսիսոյ նորա թագաւորութիւն Հոնաց հուպ ի ծով» «... К северу от него (Дербендские ворота – Г.Г.) у самого моря [находится] царство Хонов» (Soucry, 1881, 27; «Ашхарацуйц», рук. № 582). Здесь следует обратить внимание на ту существенную деталь, что если во всех рукописях «Ашхарацуйца» название гуннского царства в Прикаспии передается в форме «Хон» (Հոն), то в отношении хонов Центрального Кавказа, в четырех древнейших рукописях, в том числе и в наиболее лучше сохранившемся – № 582, присутствует форма «хон» (Հուն). Данный факт не позволяет рассматривать сообщения «Ашхарацуйца» о хонах Центрального Кавказа и Прикаспия как результат наслоения в тексте источника сведений разных времен об одном и том же племени или отнести их к случайным повторениям. Это свидетельствует о том, что автору «Ашхарацуйца» на Кавказе были известны два этнически различных племени, которых он называет также разными именами – это хоны (Խոնք) на Центральном Кавказе и Хоны (Հոնք) (Хонское царство) на северо-западном берегу Каспийского моря.

Известно, что на Северо-западном Прикаспии в VI - VII века н.э., на местной, дагестанской этнокультурной основе, тюркоязычные гунны-савиры образовали гуннское царство Сувар. В арабских источниках это царство известно под названием Джидан, а в армянских, в данном случае в «Ашхарацуйце», как «Хонское царство».

Что касается хонов центральной части Кавказа, то по «Ашхарацуйцу» они занимают территорию по обеим сторонам Главного Кавказа от Дарьяльского ущелья до Тушетии и Дагестана (хундзы). Историчность кавказских хонов в этих местах подтверждается сохранившемся до наших дней имени этого народа в топонимах и гидронимах на южной и на северной стороне Главного Кавказского хребта к востоку от Дарьяла: это местность Хоной на берегу реки Армхой, притока Терека, где проживала ингушская родоплеменная группа хоной (хон-ой); местность Хоне в верховьях реки Арагви, гора Хон и местность Хонис-чали в Хевсуретии, река Хон, так называют верховье реки Чанты-Аргун тушины (Kla-

proth, 1814, 47); Волкова, 1973, 65; Гумба, 1987_2). Хоны в этих местах засвидетельствованы также и в грузинском письменном источнике XIII века среди перечня племен вайнахского происхождения – хунаги («...кисты, хунаги, тушины...») (Гос. музей Грузии, л. 10-В -II (XIII в.) В названии хунаги (хун-(а)ги), компонент «ги» является вайнахским послелогом, указывающим на направление. Трудно сомневаться в том, что, как в армянском, так и в грузинском источниках, речь идет об одном и том же племени хон. Примечательно, что в грузинском источнике хоны названы между кистинами и тушинами, т.е. в тех местах, где присутствуют топонимы и гидронимы на хон, что совпадает с локализацией хонов «Ашхарацуйца». Таким образом, сведения письменных источников о хонах в центральных районах Кавказа, получают действительные подтверждения, как в сохранившейся топонимике в этих местах, так и в лице ингушской родоплеменной группы хонов.

По «Ашхарацуйцу» Цанария охватывает территорию всего Дарьяльского ущелья, начиная на юге от Цилканских ворот у населенного пункта Живали до ст. Верхний Ларс (Северная Осетия), на севере. В пределы Цанарии включены Аланские (Дарьяльские) и Цилканские ворота. Цилканские ворота, соответствующие южным Сарматским воротам Птолемея, находились в районе слияния Черной и Пшавской Арагви, недалеко от местности Живали и служила пограничной линией, разделявшей Азиатскую Сарматию с Картли (см. Гумба, 2004, 160-161). Здесь же, по ущелью Арагви – от Ананури до Живали, проживали цилканы (или циканы), упоминаемые здесь также и древнегрузинскими источниками («Обращение Грузии», 27). Территория расселения цилкан (цикан), в более ранние периоды, видимо, простиралась намного южнее, так как, древнегрузинским источникам в этих местах известны Цилканские горы, Цилканская дорога (Летопись Картли, 1982, 74-75). Сообщение автора «Ашхарацуйца» о нахождении обоих ворот - Дарьяльских (Аланские) и Целканских (Сарматские), в пределах Цанарии объясняется тем, что в данном отрывке источника отражено сложившееся политико-административное деление Восточного Закавказья в период господства здесь Сасанидского Ирана. В этот период Цанария была выделена в отдельную политико-административную единицу в составе кустака Кап-Кох (Кавказский край) Сасанидской империи, а на правителя Цанарии сасанидами была возложена охрана Главного Кавказского прохода – Дарьяльского ущелья (см. Мкртумян, 1983, 45-47; Гумба, 1987_2, 35)

Туши занимали территорию верховья Алазани и Иори, примыкая на северо-западе к хонам, а с юга они граничили с Албанией. Далее называются хундзы, которые проживали к востоку от тушин, на той стороне Главного Кавказа, в верховьях Аварского Койсу (Хундзахский район Дагестана).

Таким образом, в пласте **Б**, вновь мы видим описание всей центральной части Кавказа (южная и северная сторона Главного Кавказа) – от Приэльбрусья до Дагестана (Хундзах). Восточно-аланское объединение пласта **А**, выступает под именем Ардозы, а Западно-аланского объединение Аш-Тигоры пласт **А** – под названием Авсуры.

Затем, текст (пласт **В**) вновь возвращает нас на запад, и перечисляются племена с запада на восток, но уже от Дарьяльского ущелья до Дагестана: кусты, цхаваты, гудамакары, дурдзуки и далее опять дагестанские народы дидойнеры, леки и др.

Кусты, отождествляются правомерно с нахскими кистинами. В грузинских источниках так именуют жителей Армхинской (Джейрахавской) долины и река Армхи по грузинский носит название Кистинки. Термин «кистины» в грузинских

источниках часто имел собирательное смысл, употребляясь в обозначении всех чеченцев и ингушей (Шавхелишвили, 1963,39). Учитывая, что в данном абзаце названы дурдзуки (грузинское общее название чеченцев и ингушей), правомерным будет, наверное, предположить, что в «Ашхарацуйце» термин «кистины» употребляется в обозначении населения, проживавшее восточнее Дарьяльского ущелья до верховьев Хон-Аргуна (Чанты-Аргун). В данном случае термин «кустк» (кистины) покрывает территорию хевсур пласта **А** и часть территории хонов пласта **Б.**

Цховат «Ашхарацуйца» проявляет очевиднее сходство с названием местности Цхават (Цхавати древнегрузинских источников) недалеко от Чарталети в верховьях Черной Арагви. Хотя, учитывая, что в верховьях Арагви локализуются, называемые в этом пласте (**В**) гудамакары, не исключено отождествление Цхават «Ашхарацуйца» с местностью Цовата в Горной Тушетии, предложенное В.Б. Виноградовым и К.З. Чокаевым (1966, 77). Термином «дурдзук» в древнегрузинских источниках обозначается нахское население между Дагестаном (Дидоети) на востоке и ущельем р. Терек на западе. Однако под термином дурдзуки армянский географ называет, скорее всего, ту часть нахского населения, которая проживала к северо-востоку и востоку от кистинов до Андийского хребта. Далее уже называются дидойцы, размещаемые на восточной стороне Андийского хребта, в верховьях Андийского Койсу, а также их соседи леки (лаки) и другие дагестанские народы.[1]

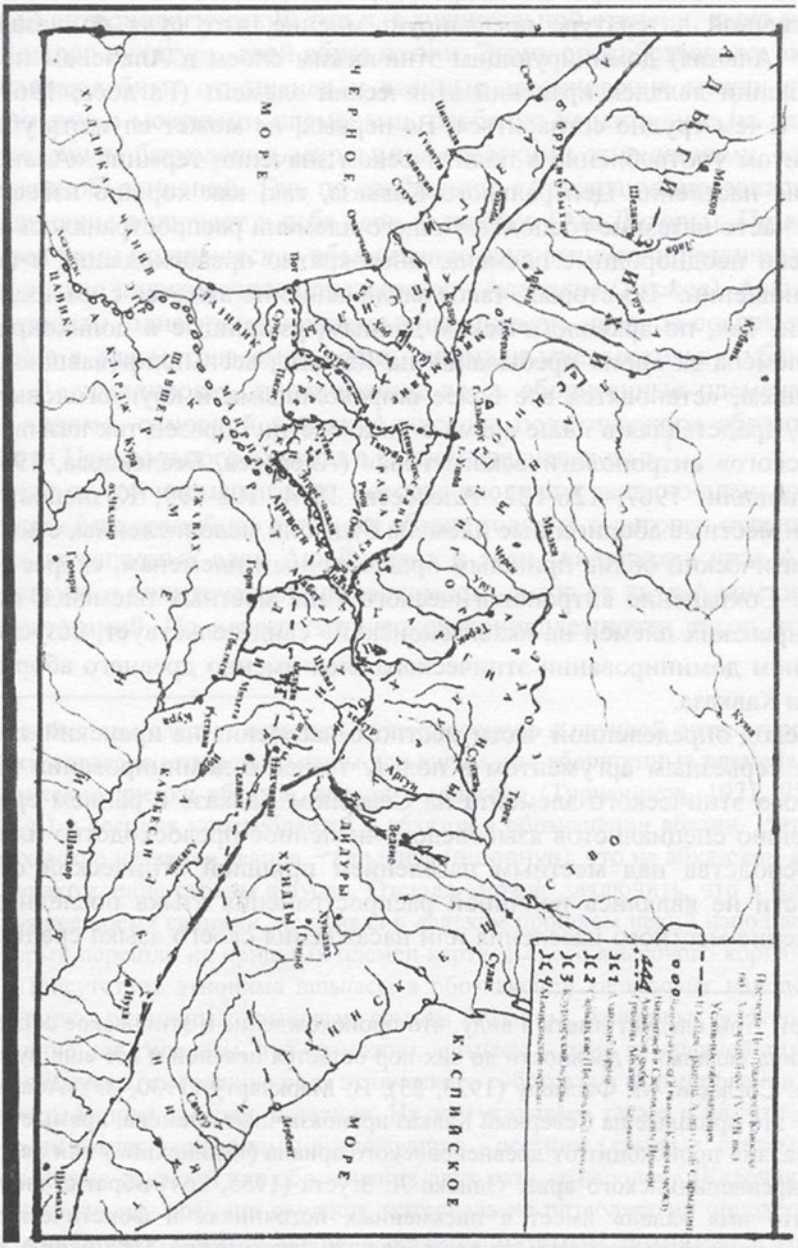
Итак, в описании Центрального Кавказа раннесредневекового периода (второй слой) в «Ашхарацуйце» налагаются три пласта, условно обозначенные нами – **А**, **Б** и **В**. Возможно, эти пласты отражают, не столько разные хронологические периоды, а сколько, являются результатом компиляции сведений разноязычных источников (письменные и устные). Об этом может свидетельствовать параллельное упоминание нескольких названий одного и того же народа. При этом следует подчеркнуть, что упоминания в «Ашхарацуйце» в районах Центрального Кавказа названий более двух десятков народов и племен, вовсе не является показателем их множественности и разноязычности, как это часто изображается в научной литературе. Это результат, как наложения трех пластов, так и отражения в источнике разных наименовании одних и тех же народов, которыми они были известны своим соседям.

«Ашхарацуйц» является единственным раннесредневековым источником, в котором впервые нашли свое отражение большая часть вышеперечисленных этнонимов. Ряд из них находят свое реальное подтверждение в современной этнонимике народов Кавказа. Однако этническое содержание этих названий, конечно, на протяжении полутора тысячелетия могло измениться. Если тот или иной этноним, сегодня употребляется для обозначения конкретного народа, то, это автоматически не может, конечно, служит аргументом того, что и в древнюю эпоху он обозначал именно этот этнос. Объяснения названия племени на том или ином языке еще, безусловно, также не всегда означает, принадлежность племени к носителем этого языка, ибо свое название она могло получить от соседнего, этнически не родственного населения. Для этнической идентификации упоминаемых в армянском источнике племен и народов в районах Центрального Кавказа, необходимо, несомненно, доказательства совокупных данных с привлечением широкого круга первоисточников. Поэтому предлагаемая в рамках данной рабо-

[1] В «Ашхарацуйце» упоминаются также похи, пасхи и пусхи – чеченские названия пшавов, проживавших в верховьях Арагви, но в источнике они перемещены в глубь Дагестана и перечислены среди дагестанских племен.

ты этническая идентификация дигоров, имеет лишь характер дополнения существующих в научной литературе предположений.

В «Ашхарацуйце» термин «алан» (пласт **А**) употребляется в собирательном смысле, в обозначении существовавших в раннем средневековье двух политических объединений племен Северного Кавказа: Западно-аланское («Аланы аштигор») и Восточно-аланское («Аланы в крае Ардоз»). В пласте **Б** для обозначение Восточно-аланского объединения племен употребляется термин Ардоз, а для Западно-аланского –

Авсур (опсы). Оба политических образования Северного Кавказа, известные в источниках под наименованием Алания, являлись гетерогенными, куда входили ираноязычные и аборигенные кавказские племена (Кузнецов, 2000, 176). Помимо узко-этнического, собирательный характер термина «Алан», включавшего в себя, как ираноязычных, так и аборигенных кавказских племен, принимается почти всеми исследователями. В то же время, выглядит довольно парадоксаль-

ным то, что при реконструкции этнополитической истории Алании, уделяется недостаточное внимание, а порой практически игнорируется роль и значение в ней собственно аборигенных племен Северного Кавказа. Исследователи ограничиваются, в основном, лишь констатацией факта присутствия здесь каких-то аборигенных племен. Как совершенно справедливо отмечает В.А. Кузнецов (2000, 175), «это свидетельствует о невнимании исследователей к аборигенно-субстратному пласту населения средневекового Кавказа в противовес увлечению историей степных мигрантов скифов, сарматов, алан».

В научной литературе превалирует мнение, что, судя по названию самой страны (Алания) доминирующим этническим слоем в Аланском политическом объединении являлся иранский этнический элемент (Гаглоев, 1967: Гаглойти, 1995), с чем трудно согласиться. Во-первых, не может служить убедительным аргументом употребление в политическом значении термина «Аланы» для обозначения населения Центрального Кавказа, так, как хорошо известно, что довольно часто название господствующего племени распространялось и на другие, этнически неоднородные племена, многократно превосходящих в количественном отношении.[1] Во-вторых, такое заключение не вяжется с имеющимися материалами. Так, по археологическим данным, узколицые и долихокранные иранские племена за время пребывания на Кавказе, ассимилировавшись с местным населением, «становятся все более широколицыми и круглоголовыми, в конце концов, представляя в наше время в лице осетин образец так называемого «кавкасионского» антропологического типа» (Алексеев, Беслекоева, 1963, 120; Абдушелишвили, 1967, 126-127; Алексеев, 1974, 198-199; Кузнецов, 1984, 147). Вряд ли местные аборигенные племена будь они малочисленны, смогли передать свой физический облик пришлым ираноязычным племенам, скорее было бы наоборот. Сохранение антропологического типа местных племен и переход пришлых иранских племен на «кавкасионский» свидетельствует, безусловно, о значительном доминировании этнического слоя именно древнего аборигенного населения Кавказа.

Переход определенной части местного населения на иранский язык также не служит серьезным аргументом в пользу тезиса о доминировании и господстве иранского этнического элемента на Северном Кавказе в раннем средневековье. По мнению специалистов языковедов, численное превосходство или установления господства над местным населением пришлой этнической общностью в древности не являлись причиной распространения языка последних, а полное вытеснение местного населения или насаждения своего языка среди завоеванно-

---

[1] При этом следует иметь в виду, что происхождение и этническое содержание самого термина «аланы» в древности до сих пор остается неясной и все еще нуждается в разработке. Согласно М. Фасмеру (1923, 25), И. Маркварту (1930, 83), Абаеву (1949, 47), аланы – это пришлые на Северный Кавказ ираноязычные племена, прямые предки осетин и имя «алан» происходит от древнеиранского ариана («арийский») или авестийского айриана, древнеиндийского ариа. Однако Л. Згуста (1955, 264) обратил внимание на тот факт, что имя «алан» имеет в письменных источниках и фонетический вариант – «алавн», который из иранских языков объяснить невозможно. По мнению Я.С. Вагапова (1990, 16-17) имя «алан» это нахское слово и состоит из нахского алие (али, алуо) – «река» и словообразовательного суффикса «н» и «обозначает жителей побережья реки или долины, низины. Сравните кистино-бацбийское названия долины реки Алазань – Олана, Ални, в последнем из которых гласный второго слога выпал». Следует также иметь в виду мнение известного специалиста востоковеда В.В. Струве о том, что термин «арии» восходит к названию неиндоевропейских хурритских народов.

го населения исторически не подтверждаются (Дьяконов, 1983, 5–10). Археологический материал как раз свидетельствует о весьма незначительной инфильтрации ираноязычных племен на Центральный Кавказ на рубеже нашей эры (Кузнецов, 1984, 11) и, надо полагать, что в I тыс. н. э. основная часть местного аборигенного населения Центрального Кавказа продолжала оставаться на своей территории, доминируя в количественном отношении. Однако, в процессе длительного и сложного совместного проживания, те или иные группы местного населения, особенно западной части Центрального Кавказа, перенимают иранский язык, сохранив свой антропологический тип и, в значительной степени, свою материальную и духовную культуру, свой образ жизни. Этому способствовало, видимо, то, что резко враждебные отношения и военные столкновения между пришлыми ираноязычными и местными племенами, особенно характерные на ранних этапах, чередовались, безусловно, мирными, соседскими отношениями, созданиями политических объединений. Так, по сообщению «Ашхарацуйца» западное Аланское объединение включает в себя асов и дигоров (Аш-Дигоры). По всей видимости, перед нами политическое объединение двух этнически различных племен, входящих в одно политическое образование – Аланское (Асское). Асы (ашы), по всей вероятности, одно из тех ираноязычных племен, предков современных осетин, которые в рассматриваемое время занимали уже верховья Кубани и Приэльбрусье. Ассимилировав, проживавшие здесь аборигенные племена, они составляли, видимо, основной костяк Аланского политического образования западной части Центрального Кавказа в раннем средневековье.[1]

В отличие от той части дигоров, которая входила в западно-аланское объединение, автор «Ашхарацуйца» в том же абзаце говорит о дигорах отдельно, четко отделяя их от западных алан Аш-Дигоров и алан, живущих в крае Ардоз. Это свидетельствует о политической независимости дигор от двух Аланских политических образований. По поводу этнической принадлежности дигор, то на осно-

[1] Вместе с тем следует отметить существующую в научной литературе и другую точку зрения, согласно которой асы/ашы или ашуа – это аборигенные племена Западного Кавказа, «далекие предки абхазов, абазин и убыхов» (Турчанинов, 1971, 95). Термин ашуа (ашәуа) и сегодня употребляется у абхазов в обозначении абазин. Интерес представляет абхазское название сванов – ашьᵒануа (ашәануа), что на абхазском языке означает «местонахождение страны ашуов». Отсюда «можно заключить, что в местах, занятых в настоящее время сванами, проживал в далеком прошлом некий народ ашьᵒуа», название которых перешло на пришлых племен картвельского языкового корня» (Кварчия, 1982, 49). Присутствие этнонима ашы/асы в обозначении кавказских народов, относящиеся к четырем различным языковым семьям (абазины, балкарцы, осетины и сваны) дает основание для гипотезы, что возможно, ашы/асы – одно из древнейших аборигенных народов Кавказа, сыгравшие роль этнического субстрата в формировании указанных народов и передавшие им свое название. На это указывает также и то, что «абхазам в прошлом были известны этнонимы ауапс/ауапшь – осетины («рыжые, светлые люди») и ас (ас-уа), которые служили для обозначения двух разных народов» (Кварчия, 1982, 49). Однако, к настоящему времени скудость материала не позволяет ни опровергнуть и ни подтвердить указанную гипотезу и вопрос остается открытым. Возможно, в ранние эпохи этот термин употреблялся в географическом значении. Употребления осетинами термина асы в обозначении балкарцев свидетельствует о том, что он не являлся самоназванием ираноязычных племен, предков современных осетин. Но применительно к отражаемому в «Ашхарацуйце» времени (V-VII вв.), термин «авсур» (ауапс-опси-овси) употребляется, по всей видимости, именно в обозначении ираноязычных племен, вошедших позднее составной частью в сформировавшийся осетинский народ.

вании имеющегося материала весьма затруднительно относит их к ираноязычным, по-видимому, первоначально они являлись аборигенными кавказскими племенами. Этническое различие асов и дигоров в ранние периоды косвенно может указывать и тот факт, что тюркоязычные карачаевцы и балкарцы называют современных осетин дигор, в то время как осетины, в свою очередь, балкарцев асы.

В.И. Абаева (1949, 79) пишет, что «племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: ir, digor, tual и др. не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, по-видимому, к этническим самоназваниям до–осетинского населения, удержавшимся и после иранизации» и далее отмечает, что эти были «народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа». «Весьма вероятно, – пишет он, – что корень «диг» тождествен «дэг» в а-дэг-е – черкесы. В этом случае -ур/-ор могло быть показателем множественности» (Абаев, 1958, 380). Предположение В.И. Абаева об адыгском происхождении этнонима «дигор» является, по мнению В.А. Кузнецова (1962, 72-73), «лишним подтверждением правильности определения основного населения верховьев Кубани как меото-адыгского». То, что население верховьев Кубани принадлежало адыгскому этническому миру, вряд ли подлежит сомнению, но их связь с дигорами «Ашхарацуйца» довольно проблематична. В верховьях Кубани дигоры не засвидетельствованы никакими источниками. По «Ашхарацуйцу» в этих местах вплоть до современной Балкарии включительно размещаются асы (не случайно название асы сохранилось в обозначении балкарцев), а на востоке от асов – дигоры. Западная часть Дигории входила в состав Аланского объединения Аш-Дигор, а основная, самостоятельная Дигория на востоке в долине Терека граничила с аланами, проживавшими в стране Ардоз. Кроме созвучия терминов, хотя весьма привлекательного, у нас нет каких-либо других доказательств о проживании адыгских племен в бассейне левобережья Терека в рассматриваемую эпоху.

Следуя традиции сопоставления северокавказских этнонимов преимущественно с иранскими и поиска их этимологии на базе иранских языков, в литературе были предприняты также не совсем удачные попытки связать кавказское «дигор» с восточноиранским племенным названием «тохар», упоминаемое в Средней Азии (Гаглоев, 1966, 188; Керефов, 1988, 136-138).[1] Однако, при этом, почему-то упускается из виду лежащие на поверхности прямые параллели этнонима «дигор» с этнотопонимами Армянского нагорья. Если и искать параллели этнонима дигор за пределами Центрального Кавказа, то более предпочтительным представляется сопоставление его с названием местности Дигор, расположенной на юго-востоке от Карса и северо-востоке от Кыгызмана и протекающей здесь реки Дигор, правого притока р. Ахурян, упоминаемые еще древнеармянскими источниками. Правомерность сопоставления названия Дигор Армянского нагорья с северокавказским дигор, становиться более вероятной, если вспомнить, что большинства северокавказских этнонимов, особенно нахские, находят свои параллели в этнотопонимике Передней и Малой Азии. Обращает на себя внимание то, что сохраненные до настоящего времени местность и река под названиям «Дигор» находятся на северо-западе исторической Армении, т. е. там, где в древности наиболее всего была развита металлургия. Именно в треугольнике: Эрзерум – Гюмри (быв. Ленинакан) – верховье Чороха и прилегающих районах, по

[1] В.И. Кузнецов (1984, 168) восточноиранский этноним тохар связывает с кавказскими такуйрами (тагаурами).

мнению ученых (Б.А. Куфтин, Г.К. Мартиросян, Д.Л. Коридзе, Т.К. Микеладзе, и др.) протекал первоначальный процесс формирования одного из ведущих предметов колхидской и кобанской культур – топора. В этой связи выглядит весьма примечательным, что название «дигор» на нахских языках означает «топор». Указывая на разнообразные каменные и бронзовые топоры, имевшие широкое распространение на территории Кобанской археологической культуры, в том числе и Дигории, В.Б. Виноградов (1972, 306) отмечает, что этническое имя «дигор» и название «Дигория» (где «дигь» – «топор», «р» – показатель мн. ч.) сродни тем топо- и этнонимам, что часто возникали, базируясь на производственном признаке или какой-либо иной характерной черте местной культуры (ср.: зирехгеран – кольчужники, пхъарчой – стрелки-лучники... и т.д.). Все это делает наиболее обоснованным мнение В.Б. Виноградова (1972, 306-307) о нахской принадлежности древних дигоров.

По всей видимости, именно принадлежностью древних дигоров нахским племенам объясняется и феномен схождения чеченского языка с дигорским диалектом современного осетинского языка, минуя при этом ингушский язык и иронский диалект осетинского. «Эти схождения отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей» (Абаев, 1959, 89).[1]

Археологический и языковый материал выявляют две волны миграции иранских племен на Северный Кавказ: «дигорский» и «иронский», причем вторая «иронская» волна вклинилась и отделила дигорский от чечено-ингушских языков (Абаев, 1959, 115). Первое появление ираноязычных племен на Северном Кавказе относят к середине I тыс. до н. э. и связывают это со скифо-сарматами, которые частично осели в западной части Центрального Кавказа (Абрамова, 1993,201; Кузнецов, 2000, 178). Этот период связан с формированием дигорского диалекта осетинского языка, в котором выявляется более архаичный (скифский) языковый материал. Подтверждением этому служит также и то, что в западной части Центрального Кавказа, где, согласно «Ашхарацуйцу» локализуются дигоры, в иранском пласте топонимики обнаруживаются именно дигорские звуковые формы (Миллер, 1887, 7-10; Zgusta, 1955, 254).

Формирование «иронского» диалекта осетинского языка связано с передвижением второй волны кочевых иранских племен уже в Притеречные районы Центрального Кавказа в II–III вв. н. э. (Абаев, 1959, 115; Абрамова, 1993, 201; Кузнецов, 2000, 178). Причем вторжения иранских племен во II-III вв. на первых порах привело к вытеснению определенной части оседлого нахского населения верхнего Терека в горы и плотным заселением аланами восточного Притеречья (Абрамова, 1993, 201; Кузнецов, 2000, 178). Таким образом, вторая волна иранских племен, продвинувшись в район ущелья Терека, вклинилась между нахскими племенами Центрального Кавказа и отделила дигорцев от остальной части нахского этноса. В результате чего, нахские дигоры, проживавшие к западу от

[1] Попытка объяснения феномена прямых схождений дигорского диалекта осетинского языка с чеченским, тесным контактом аланского населения (дигорцев) с древневайнахскими племенами кистов и дурдзуков на предгорной равнине к востоку от верхнего течения Терека (Кузнецов, 2000, 178), вряд ли приемлемо. Во-первых, о проживании дигоров на правобережье верхнего Терека когда-либо нет абсолютно никаких данных, а перемещение их («ас-дигоров) на восток от верхнего течения Терека вызвано, как было отмечено выше, ошибочной интерпретацией сведений «Ашхарацуйца». Во-вторых, нахский язык является субстратным для осетинского, выраженного еще антропологически и этнографически, что не могло быть следствием простых соседских этнокультурных контактов (Абаев, 1977, 51).

верхнего Терека, оказались изолированными от основной части своего этноса. Очутившись в окружении ираноязычных племен преимущественно первой волны (скифо-сарматской), дигоры постепенно смешиваются с ними и переходят на иранский язык, став, таким образом, языковой, антропологической, этнографической, всем обликом своей материальной и духовной культурой, той этнической субстратной основой, на которой позже сформировалось дигорское подразделение осетинского народа.

Что касается восточного Притеречья, то здесь на протяжении длительного времени происходили сложные этнополитические процессы, связанные с ожесточенными войнами нахских племен с целью вытеснения со своих земель, проникших сюда ираноязычных племен. Эти столкновения, проходившие с переменными успехами, чередовались, безусловно, длительными мирными периодами, которые характеризовались усилением и углублением этнокультурных взаимосвязей и взаимопроникновения. В эти места проникали уже не только ираноязычные, но и новые горские нахские племена, говорившие на различных диалектах нахского языка. Это новое нахское население частично ассимилирует, проживавшее здесь аланские племена. Происходит также и обратный процесс – слияние отдельных нахских племен с аланами и формирование иронского подразделения осетинского народа. Отсюда становиться понятным причины прямых схождений дигорского диалекта осетинского языка с чеченским, минуя при этом иронский и ингушский.

Однако, для рассматриваемого нами раннесредневекового периода, судя по всему, дигоры еще сохраняли свою этническую самобытность и обособленность от ираноязычных племен. Правда, употребление армянским автором термина «Аш-Тигор» («Асская Дигория»), свидетельствует, видимо, не только о том, что западная часть дигорцев входила в состав Аланского (Асского) политическом образования, но и о двуязычии дигоров, т.е. наличие к тому времени процесса ассимиляции асами дигоров и постепенный переход последних на иранский язык. Позднее, по мере усиления Западно-аланского объединения иранский элемент распространяется уже на горные районы, наслаиваясь на нахский субстрат, в результате чего происходит иранизация остальной части населения к западу от верховья р. Терека, которое до этого говорило на нахских языках. Как известно, для своего полнокровного жизнеобеспечения и развития горскому населению необходимо владение предгорными степями и равнинами. Поэтому при утрате контроля над предгорными зонами, горцы часто попадали в зависимость от тех, кто владел предгорными районами. Занимая на протяжении длительного времени предгорную зону и контролируя выходы из ущелья, Аланское (Ас-Дигорское) объединение постепенно, по мере своего усиления, распространяло свое политическое господство на все горское население. При этом термины аланы и асы, уапс, опсы//овсы, естественно, приобретают в иноземной среде более широкое значение и употребляются также для обозначения политически зависимого горского населения. Однако такое политическое положение нельзя, конечно, рассматривать как неизменное. Да и само это Аланское политическое образование в тот период не являлось, конечно, монолитным государственным образованием, а объединением этнических различных, в основном, видимо, ираноязычных и нахских племен. На западе Аланская Конфедерация охватывала, скорее всего, также проживавшее в верховьях Кубани адыгское население и, возможно, оттесненные к тому времени в предгорья Северо-Западного Кавказа, тюркские элементы. Отдельные горские племенные группы в те или иные периоды выходили из политической зависимости Аланского объединения, становясь самостоятельными

со своими правителями, но сохраняя, при этом, в иноязычной среде общее название аланы или асы (уапс, опсы). Именно такое политическое положение, когда в X в., проживавшие к западу от верховья Терека отдельные племенные группы горского населения со своими правителями («Архонты Азии») являлись самостоятельными от Аланской конфедерации Северного Кавказа, нашло отражение, скорее всего, в вышеприведенном сведении «Книги церемоний» К. Багрянародного.

Источники и литература.

1. Абаев, 1949. I –Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М. - Л.
2. Абаев, 1958 –Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М - Л. Т. I
3. Абаев, 1959 – Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели. Известия ЧИНИИ, т. 1, вып. 2, Грозный.
4. Абаев, 1977 – Абаев В.И. Armeno-ossetica. Типологические встречи. Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Ереван.
5. Абдушелишвили, 1967 – Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии. – В кн.: «Происхождения осетинского народа». Орджоникидзе.
6. Абраамян, 1944 – Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван (на арм. языке).
7. Абрамова, 1993 – Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV вв. н. э.). М.
8. Анчабадзе, 1959 – Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Тбилиси
9. Алексеев, Беслекоева, 1963 – Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии. – В кн.: «Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР, № 114.
10. Алексеев, 1974 – Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. (Краниологическое исследование). М.
11. Ашхарацуйц – Матенадаран, Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван, рукописи за №№ 582, 696, 1898, 1717, 3691, 1459, 2019, 1883, 3691, 4284, 1518, 1486,1287.
12. Бриллиантов, 1917 – Бриллиантов А.. О месте кончины и погребения св. Максим Исповедника. «Христианский Восток», т. VI)
13. Вагапов, 1990 – Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный.
14. Волкова, 1973 – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.
15. Виноградов, Чокаев, 1966 – Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Известия ЧИНИИ, т. 7, вып. 1. Грозный
16. Виноградов, 1972 – Виноградов В.Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
17. Гаглоев, 1966 – Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах. Известия СОНИИ. т. 25, Орджоникидзе
18. Гаглойти, 1967 – Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.

19. Гаглойти, 1995 – Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал.
20. Гадло, 1979 – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа (IV-X вв.) Л.
21. Гамрекели, 1961 – Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I-V вв. н. э. Тбилиси.
22. Гумба, 1987_1 – Гумба Г.Д. Об этнониме «нахчаматеанк» «Армянской географии» VII века. – В кн. «История и филология древнего и средневекового Востока». М.
23. Гумба, 1987_2 – Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу». Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван (на арм. яз.).
24. Гумба, 2004 – Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия). – В кн. «Кавказ: история, культура, традиции, языки». По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум.
25. Дьяконов, 1983 – Дьяконов И.М. Типы этнических передвижении в ранней древности. – В кн. «Древний Восток». выпуск 4, Ереван, с. 5-23.
26. Еремян, 1970 – Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII века». – В кн. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Москва (3 - 10 авг. 1964). М. Т. 8, с. 400-409.
27. Еремян, 1973 – Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца». ИФЖ, № 3, с.. (на арм. яз.).
28. Еремян, 1979 – Великая Армения и сопредельные страны (карта). Ереван.
29. Инал-ипа, 1977 – Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум.
30. Кварчия, 1982 – Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах ауаps «осетин», asoaneua «сван». – В кн. «Вопросы кавказской филологии и истории». Нальчик.
31. Керефов, 1988 – Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
32. Кузнецов, 1962 – Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА СССР, № 106.
33. Кузнецов, 1984 – Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
34. Кузнецов, 2000 – В.А. Кузнецов. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации). – В кн. «Древности Северного Кавказа». М.
35. Летопись Картли, 1982 – Летопись Картли . Тбилиси.
36. Мкртумян, 1983 – Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII-XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван.
37. Меликишвили, 1959 – Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси.
38. Минорский, 1963 – Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М.
39. Миллер, 1887 – Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. М.
40. Обращение Грузии – Обращение Грузии. (Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили). Тбилиси, 1989.

41. Патканов, 1877 – Патканов К.П. Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. Спб.
42. Патканов, 1883 – Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, ч. 226, март, с. 21-32.
43. Прокопий Кесарийский, 1996 – Прокопий Кесарийский. Война с готами. М.
44. Турчанинов, 1971 – Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.
45. Цагаева, 1975 – Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 2.Орджоникидзе,
46. Цукерман, 2005 – К. Цукерман. Аланы и Ҫасы в раннем средневековье. КСИА, вып. 218.
47. Шавхелишвили, 1963 – Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношении между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный.
48. Шавхелишвили, 1983 – Шавхелишвили И.А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси.
49. Ширакаци, 1979 – Анания Ширакаци. Избранные труды. Ереван (на арм. яз.)
50. Клапрот, 1814 – Klaproth J. Beschreibung des ostliechen Kaukasus zwischen den Flussen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. «Bibliothek der neusten und wichtigsten Reise beschreibungen». Bd 50, Weimar.
51. Маркварт, 1901 – Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps Moses Horenaci. Berlin.
52. Маркварт, 1930 – Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig.
53. Хьюссен, 1992 – Hewsen The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H.Hewsen. Wiesbaden.
54. Soucry, 1881 – Arsene Soucry, Geographie de Moise de Corene d' apres Ptolemee. Texte armenien, traduit en francais par le Arsene Soucry, Vinesie.
55. Згуста, 1955 – Zgusta L. Die Personennamen griechischer Stadte der Nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha.
56. Фасмер, 1923 – Vasmer M. Untersuchungen uber die altesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig.